

ТАЙНА ВЕЛИКОЙ ПОЭМЫ: О ЖАНРОВОМ СВОЕОБРАЗИИ «МЕРТВЫХ ДУШ» Н.В. ГОГОЛЯ

В. А. Воропаев

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51, 119991, г. Москва voropaevvl@bk.ru*

В статье рассматривается жанровое своеобразие поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», устанавливается связь замысла произведения с евангельской традицией; раскрывается важнейшее понятие этики и эстетики писателя – пошлость пошлого человека.

Ключевые слова: Гоголь; «Мертвые души»; жанровое своеобразие; замысел; евангельская традиция; смысл названия; пошлость пошлого человека: возрождение души.

THE SECRET OF THE GREAT POEM: ABOUT THE GENRE ORIGINALITY OF “DEAD SOULS” N.V. GOGOL

V.A. Voropaev

*Moscow State University named after M.V. Lomonosov,
Leninskie Gory, 1, build., 51, 119991, Moscow voropaevvl@bk.ru*

The article examines the genre originality of the poem by N.V. Gogol's “Dead Souls”, the connection between the concept of the work and the gospel tradition is established; the most important concept of the writer's ethics and aesthetics is revealed - the vulgarity of a vulgar person.

Key words: Gogol; "Dead Souls"; genre originality; intention; evangelical tradition; the meaning of the name; vulgarity of a vulgar person: rebirth of the soul.

*Не будет преувеличением утверждать, что эта поэма –
наименее понятая и освоенная из всех великих классических
творений русского искусства слова Кожин В.В. [6, с. 73].*

В мае 1842 года в книжных лавках Москвы и Санкт-Петербурга появилась новинка – книга с затейливым рисунком на обложке, где разными шрифтами было написано: «Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя». На желтоватом фоне чередовались разнородные, иногда

просто загадочные изображения: домики с колодезным журавлем, бутылки с рюмками, танцующие фигурки, греческие и египетские маски, лиры, сапоги, бочки, лапти, поднос с рыбой, множество черепов в изящных завитках, – а венчала всю эту причудливую картину стремительно несущаяся тройка. В названии бросалось в глаза слово «ПОЭМА», крупными белыми буквами на черном фоне. Рисунок, выполненный самим автором, очевидно, был важен для него, так как повторился и во втором прижизненном издании книги 1846 года. Символика обложки сложна и имеет множество значений, но даже при первом взгляде на нее очевидна основная мысль автора: поэма должна явить собой многообразие русской жизни, схваченное в как бы случайных, но на самом деле – характерных деталях.

Поэма осталась незавершенной: вышел в свет только первый том, и после смерти Гоголя были найдены черновые наброски отдельных глав второго. Необычное определение автором жанра книги породило недоумение современников. Раздавались голоса, что Гоголь в шутку назвал свой роман поэмой. В.Г. Белинский в рецензии на первое издание «Мертвых душ» утверждал, что Гоголь вовсе не в шутку назвал свой роман поэмой. И не комическую поэму разумеет он под нею. Критик обильно цитировал лирические отступления, считая их важными. «Грустно думать, что этот высокий лирический пафос, эти гремющие, поющие дифирамбы блаженствующего в себе национального самосознания <...> будут далеко не для всех доступны <...>. Высокая вдохновенная поэма пойдет для большинства за “преуморительную штуку”» [2, т. 5, с. 55]. Итак, в 1842 году Белинский называет гоголевскую книгу поэмой: Жанр ее не вызывает у него сомнений.

Однако в рецензии на второе издание «Мертвых душ» (1846) критик переосмысляет проблему жанра. Он по-прежнему считает, что Гоголь не написал ничего лучшего, называет книгу самым значительным произведением русской литературы. Но на этот раз недоумевает: автор почемуто назвал свой роман поэмой. Считает важным недостатком романа лирические отступления и даже предлагает не читать их, называя «лирикомистическими выходками» [2, т. 8, с. 511].

Причины такой перемены мнения Белинского две. Прежде всего это полемика с Константином Аксаковым по поводу жанровой природы творения Гоголя. В 1842 году в Москве вышла брошюра К.С. Аксакова «Несколько слов о поэме Гоголя: “Похождения Чичикова, или Мертвые души”», в которой он сравнивал Гоголя с Гомером, находя у них общий взгляд на мир – «всеобъемлющее эпическое созерцание». По мысли критика, поэма Гоголя возрождала в русской литературе традиции гомеровского эпоса. «...Уж не тайна ли русской жизни лежит, заключенная в ней, не выговорится ли она здесь художественно?» – вопрошал Аксаков, разумея всю поэму в целом [1, с. 79].

Брошюра вызвала резкий отклик Белинского, оспорившего многие положения К.С. Аксакова и предложившего свое понимание значения Гоголя для современной литературы. Сравнение с Гомером казалось критику неприемлемым: «В смысле *поэмы* “Мертвые души” диаметрально противоположны “Илиаде”. В “Илиаде” жизнь возведена на апофеозу: в “Мертвых душах” она разлагается и отрицается...» [2, т. 5, с. 58]. Аксаков ответил статьей, разгорелась полемика. Отголоски ее слышны и в спорах современных литературоведов.

Таким образом, на этот раз Белинский считает, что пусть уж лучше «Мертвые души» будут называться романом, чтобы не было соблазна сравнивать с Гомером. Вторая причина, по которой критик переосмысляет определение Гоголем жанра своего творения, – он знал о предстоящем выходе книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847). Эволюция Гоголя как писателя не устраивала критика. В этой рецензии у Белинского другой тон. Здесь – тот Белинский, который напишет свое известное «Письмо к Гоголю».

Заметим, что выражение «мертвая душа» встречается уже у А.С. Пушкина в романе «Евгений Онегин»:

Как грустно мне твое явленье, Весна,
весна! пора любви!
Или мне чуждо наслажденье,
И все, что радует, живит,
Все, что ликует и блесит,
Наводит скуку и томленье На
душу мертвую давно
И все ей кажется темно? (Отрывок из
Путешествия Онегина).

В Толковом словаре Владимира Даля одно из значений слова «мертвый» – «человек невозрожденный, недуховный, плотской или чувственный». Это значение близко тому, в котором употребляет это слово и Гоголь.

До сих пор среди исследователей нет единого мнения относительно жанровой природы «Мертвых душ». Их называют романом, романом-поэмой, «национальной утопией» и т. д. Известный пушкинист Г.А. Гуковский считал, что первый том – поэма, второй – «не совсем, видимо, удавшийся роман» [5, 476]. То есть Гоголь как бы потерял жанр. Приведем также мнение И.С. Тургенева, высказанное в рецензии на роман Евгении Тур «Племянница»: «для таких людей, как он (Гоголь – В.В.), эстетические законы не писаны... в том, что он свои “Мертвые души” назвал поэмой, а не романом, – лежит глубокий смысл. “Мертвые души” действительно поэма – пожалуй, эпическая...» [4, с. 522].

Сложность определения жанра «Мертвых душ» заключается еще и в том, что мы не знаем до сих пор, что такое поэма. Все попытки единого статического определения не удаются. Романное начало присутствует хотя бы в том, что произведение написано в прозе. «Мертвые души» столь же уникальны в жанровом отношении, что и пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин». Подобно тому, как у Пушкина некоторые места в романе звучат почти как проза, так у Гоголя проза иногда становится почти поэзией. «И какой же русский не любит быстрой езды?..» В этой фразе нельзя поменять местами ни одного слова.

Незавершенность произведения в значительной мере затрудняет постижение его сокровенного, символического смысла. «Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет “Мертвых душ”, – писал Гоголь А.О. Смирновой 25 июля (н. ст.) 1845 года из Карлсбада. – Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех (ибо ни одна душа из читателей не догадалась), раскрыться в последующих томах <...> Повторяю вам вновь, что это тайна, и ключ от нее покамест в душе у одного только автора» [4, т. 13, с. 153].

Тайну свою Гоголь не унес с собой в могилу. В силу законов художественного творчества автор не в состоянии утаить своего «душевного дела». Ибо, как говорил сам Гоголь, «поэзия есть чистая исповедь души». Ключ к тайне «Мертвых душ» – в самой поэме.

Гоголь любил повторять, что не будут живы его образы, если каждый читатель не почувствует, что они взяты «из того же тела, из которого и мы». Это свойство гоголевских образов – некую «узнаваемость», близость душе каждого из нас – отмечали уже современники писателя.

«Не все ли мы после юности, так или иначе, ведем одну из жизней гоголевских героев? – записал в дневнике А.И. Герцен в июле 1842 года. – Один остается при маниловской тупой мечтательности, другой – буйствует а la Noddy, третий – Плюшкин...» [4, с. 324]. «Каждый из нас, – говорил В.Г. Белинский, – какой бы он ни был хороший человек, если вникнет в себя с тем беспристрастием, с каким вникает в других, – то непременно найдет в себе, в большей или меньшей степени, многие из элементов многих героев Гоголя» [2, т. 8, с. 312].

Как ни странно, у Герцена и Белинского духовный подход к проблеме: в православной аскетике есть понятие присутствия любого греха в человеке; если он обратится к своей душе, то увидит все... и среди всего – нечто *преобладающее*. Общеизвестно, что определяющей чертой гоголевских типов является *пошлость*. Но что такое пошлость? В старом, первоначальном значении, ныне уже утраченном, *пошлый* – обыкновенный, заурядный, ничем не примечательный. В начале шестой главы «Мертвых душ» Гоголь употребляет это слово именно в таком значении. Автор говорит, что прежде,

в лета его юности, ему случалось подъезжать к какому-нибудь новому месту и оно представало перед ним своею «не пошлою наружностью».

По словам Гоголя, главное свойство его таланта определил А.С. Пушкин: «Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставить так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та *мелочь* которая ускользает от глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем» [3, т. 6, с. 81].

В.Г. Белинский оспорил пушкинское определение «дара» Гоголя. Особенность таланта Гоголя, утверждал критик, «состоит не в исключительном только даре живописать ярко пошлость жизни, а проникать в полноту и реальность явлений жизни. <...> Ему дался не пошлый человек, а человек вообще, как он есть, не украшенный и не идеализированный» [2, т. 8, с. 313].

Однако, чем же тогда пошлый человек отличается от не пошлого? Тот же Белинский писал, что «порядочный человек не тем отличается от пошлого, чтобы он был вовсе чужд всякой пошлости, а тем, что видит и знает, что в нем есть пошлого, тогда как пошлый человек и не подозревает этого в отношении к себе; напротив, ему-то и кажется больше всех, что он истинное совершенство» [Там же, с. 312–313]. Пошлость у Гоголя – это печать духовного убожества, которое можно найти в каждом человеке. Герои Гоголя пошлы, так как они мертвы духовно. Поэтому своеобразным ключом к смыслу поэмы является ее название.

Прежде всего оно имеет буквальное значение, связанное с сюжетом. Мертвые души – это «товар», который покупает Чичиков, а именно души умерших крестьян, которые по ревизским сказкам числятся живыми.

Ревизская сказка – именной список крепостных крестьян, составлявшийся при переписи (ревизии). Ревизия производилась раз в семьдесят лет для исчисления подушной подати, которая взималась по числу мужчин-крепостных. Крестьяне, внесенные в список, назывались «ревизскими душами». Число их оставалось неизменным до следующей переписи. Недаром Коробочка жалуется Чичикову: «Народ мертвый, а плати как за живого».

Гоголь вкладывает в уста Чичикова и других героев поэмы по отношению к приобретенным душам слово «мертвые» вместо принятого в официальных документах «убылые». В этой связи историк М.П. Погодин писал ему 6 мая 1847 года: «“Мертвых душ” – в русском языке нет. Есть души ревизские, приписные, убылые, прибылые» [3, т. 14, с. 284]. Гоголь хотел придать этими словами особенный смысл не только афере Чичикова, но и всему произведению.

Гораздо важнее буквального – иносказательный, метафорический смысл названия поэмы. Мертвые души – это помещики и чиновники, сам Чичиков. Этот смысл был очевиден уже для первых читателей Гоголя. Так, А.И. Герцен

записал в дневнике в июле 1842 года: «...не ревизские – мертвые души, а все эти Ноздревы, Маниловы и tutti quanti (все прочие; итал.) – вот мертвые души, и мы их встречаем на каждом шагу» [4, с. 121].

Но есть в названии книги и глубокий *духовный* смысл. Он раскрыт Гоголем в предсмертной записи: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом...» [3, т. 6, с. 414]. По Гоголю, души его героев не вовсе умерли. В них, как и в каждом человеке, таится подлинная жизнь – образ Божий, а вместе с тем и надежда на возрождение. О том, что такое жизнь и смерть души, говорит один из великих учителей Церкви, преподобный Симеон Новый Богослов: «Христос приходит, и пришествием Своим воскрешает мертвую душу, и дает ей жизнь, и дарует благодать видеть, как Он Сам воскресает в ней и ее воскрешает. Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, что Христос Господь благодатию Святаго Духа приходит к нам и воскрешает умерщвленные души наши, и дает им жизнь, и дарует очи видеть Его Самого, бессмертного и нетленного, живущим в нас. Прежде же чем душа соединится с Богом, прежде чем узрит, познает и восчувствует, что воистину соединена с Ним, – она бывает совсем мертва, слепа, бесчувственна; но при всем том, что мертва, все же по естеству своему бессмертна» [7, с. 257].

В Толковом словаре Владимира Даля одно из значений слова *мертвый* – «человек невозрожденный, недуховный, плотской или чувственный». Это значение близко к тому, в котором употребляет данное слово и Гоголь. Например, Манилов ведет жизнь исключительно материальную (плотскую, чувственную), поэтому настоящей жизни (то есть духовной) в нем нет: он мертв, как и другие помещики, как и сам Чичиков.

Выражению «мертвые души» именно Гоголь придал тот специфический смысл, в котором мы употребляем его и сегодня. Однако писатель шел здесь от евангельской традиции, к которой и восходит понимание *мертвой* души как духовно умершей. Гоголевский замысел созвучен христианскому нравственному закону, сформулированному св. апостолом Павлом: *Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут* (1 Кор. 15:22). С этим связана и главная идея «Мертвых душ» – идея духовного воскресения падшего человека. Ее должен был воплотить в первую очередь главный герой поэмы. «И, может быть, в сем же самом Чичикове <...> заключено то, что потом повергнет в прах и на колени человека пред мудростью небес» [3, т. 5, с. 235], – предсказывает автор грядущее возрождение своего героя, то есть оживление его души. Это предсказание предстоящего перерождения героя является парафразой новозаветного эпизода превращения Савла в Павла: «...внезапно осиял его свет с неба. Он упал на землю и услышал голос, говорящий ему: Савл, Савл! Что ты гонишь Меня? Он сказал: кто Ты, Господи? Господь же

сказал: Я Иисус, которого ты гонишь. Трудно тебе идти против рожна» (Деян. 9:3–5).

Есть основания полагать, что намек на предстоящее нравственное перерождение Павла Ивановича Чичикова содержится уже в самом его имени. В мировоззренческих представлениях Гоголя послания св. апостола Павла, который «всех наставляет и выводит на прямую дорогу» (из письма Гоголя к сестре Ольге Васильевне от 20 января (н. ст.) 1847 года), занимают исключительно важное место. Как известно, св. апостол Павел был одним из гонителей Христа, а потом стал распространителем христианства по всему миру (Ср. в «Страшной мести»: «Слышала ли ты про апостола Павла, какой был он грешный человек, но после покаялся и стал святым» [3, т. 1, с. 226]).

Было бы, однако, неверным думать, что в последующих томах Гоголь намеревался сделать Чичикова «добродетельным человеком». Гоголевские высказывания на этот счет, как и уцелевшие главы второго тома, не дают оснований для такого заключения. А. М. Бухарев (в монашестве архимандрит Феодор), не раз беседовавший с Гоголем о его сочинении, в позднейшем примечании к своей книге рассказывает: «Помнится, когда кое-что прочитал я Гоголю из моего разбора “мертвых душ”, желая только познакомить его с моим способом рассмотрения этой поэмы, то и его прямо спросил, чем именно должна кончиться эта поэма. Он, задумавшись, выразил свое затруднение высказать это с обстоятельностью. Я возразил, что мне только нужно знать, оживет ли как следует Павел Иванович? Гоголь как будто с радостью подтвердил, что это непременно будет и оживлению его послужит прямым участием сам Царь, и первым вздохом Чичикова для истинной прочной жизни должна кончиться поэма» [8, с. 138].

По всей вероятности, Гоголь хотел провести своего героя через горнило испытаний и страданий, в результате которых он должен был бы осознать несправедность своего пути. Этим внутренним переворотом, из которого Чичиков вышел бы другим человеком, по-видимому, и должны были завершиться «Мертвые души». Знаменательно, что как в «Ревизоре» настоящий ревизор появляется по повелению Царя, так и в поэме в воскрешении героя должен был принять участие сам Государь.

Возродиться душой должен был не только Чичиков, но и другие герои, – даже Плюшкин, может быть, наиболее «мертвый» из всех. В письме «Предметы для лирического поэта в нынешнее время» адресованном Николаю Языкову, Гоголь восклицал: «О, если бы ты мог сказать ему (прекрасному, но дремлющему человеку. – В. В.) то, что должен сказать мой Плюшкин, если доберусь до третьего тома...» [3, т. 6, с. 69]. На вопрос отца Феодора, воскреснут ли прочие персонажи первого тома, Гоголь отвечал с улыбкой: «Если захотят». Духовное возрождение – одна из высших способностей, дарованных человеку, и, по Гоголю, этот путь открыт всем. И

это возрождение должно было совершиться на основе «коренной природы нашей, нами позабытой», и послужить примером не только для соотечественников, но и для всего человечества.

Библиографические ссылки

1. Аксаков К.С. Эстетика и литературная критика. М., 1995. С. 79.
2. Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. М.: Художественная литература, 1976–1982.
3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
4. Гоголь в русской критике: сб. статей / Подгот. текста А.К. Котова, М.Я Полякова; вступ. статья и примеч. М.Я. Полякова. М.: Художественная литература, 1953.
5. Гуковский Г.А. Реализм Гоголя. Л.: Художественная литература, 1959.
6. Кожин В.В. К методологии истории русской литературы (о реализме 30-х годов XIX века) // Вопросы литературы. 1968. № 5. 60–82.
7. Преп. Симеон Новый Богослов. Творения. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. Т. 1. Слово 29-е.
8. <Феодор (Бухарев), архимандрит.> Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году. СПб., 1861.